

А.П. Забияко

Ван Юйци

Японские культовые постройки на Северо-Востоке Китая первой половины XX в.: от религиозного присутствия к религиозному доминированию

Аннотация. Основным объектом отражённого в статье исследования являются японские культовые постройки на Северо-Востоке Китая первой половины XX в. В первые три десятилетия XX в. буддийские и синтоистские культовые постройки обеспечивали религиозные потребности японской диаспоры. Важной функцией храмов было также почитание погибших в ходе завоевания Китая душ японских солдат. После захвата японцами в 1932 г. Маньчжурии функции японского буддизма и в особенности синто на Северо-Востоке Китая расширяются. Буддийские и синтоистские культовые постройки становятся способом глубокой трансформации культурного и этнорелигиозного сознания местных жителей в направлении формирования комплекса неполноценности и чувства зависимости от Японской империи. Около 1940 г. командование Квантунской армии начинает проводить религиозную политику, направленную на превращение синто в государственную религию Маньчжоу-Го. Особая функция синтоистских храмов заключалась в укоренении в среде местного населения культа Аматэрасу и её «божественных потомков» – японских императоров. Культ Аматэрасу в Маньчжоу-Го выступал в качестве колониальной идеологии, утверждавшей превосходство японцев и Японской империи. Синтоистские культовые постройки и ритуалы выступали в качестве одного из важнейших инструментов религиозной экспансии.

Ключевые слова: синтоизм, буддизм, японские культовые постройки, культурная экспансия, религиозная экспансия, Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, религиозный ландшафт

Andrey P. Zabiako¹, Wang Yuqi²

^{1,2} Amur State University

^{1,2} build. 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia

¹ sciencia@yandex.ru; ² ivan_yuytsi@mail.ru

Japanese Religious Buildings in Northeast China in the First Half of the 20th Century: From Religious Presence to Religious Dominance

Abstract. The main object of the research reflected in the article is Japanese religious buildings in the North-East of China during the first half of the 20th century. During the first three decades of the 20th century, Buddhist and Shinto temples provided for the religious needs of the Japanese diaspora. An important function of these temples was also the veneration of the souls of Japanese soldiers who had died during the conquest of China. After Manchuria was captured by Japan in 1932, Japanese Buddhism, especially Shinto, expanded its functions in the North-East of China. Buddhist and Shinto religious buildings became a means of profoundly transforming the cultural and ethnic-religious consciousness of local populations in the direction of creating an inferiority complex and sense of dependence on Japan. Around 1940, the Kwantung Army command began pursuing a religious policy to turn Shinto into Manchukuo's state religion. The special function of Shinto temples was to root the cult of Amaterasu and her “divine descendants” – the Japanese emperors – among the local population. The cult of Amaterasu in Manchukuo acted as a colonial ideology that asserted the superiority of the Japanese and the Japanese Empire. Shinto religious buildings and rituals acted as one of the most important instruments of religious expansion. Nuns are actively engaged in social services, as exemplified by the activities of the Compassionate Help Foundation, founded by Buddhist nun Cheng Yen. The continuity between contemporary women's monastic activity in Taiwan and the reform movement in Mainland China is emphasized, with particular attention paid to the role played by Chinese nuns in

international Buddhist women's movements. Chinese nuns have been actively involved in reviving female monasticism in other areas.

Key words: Shintoism, Buddhism, Japanese religious buildings, cultural expansion, religious expansion, Manchuria, Northeast China, religious landscape

Введение

В начале XX века Япония развязала войну с Китаем и Россией на китайской территории, заключала неравные договоры, открывала специальные торговые зоны и города, овладевала важными транспортными узлами (ЮМЖД и др.), стремясь добиться полного владычества на землях Цинской империи. Эти намерения распространились не только на территорию, но и на культурно-религиозную сферу, проявившись, например, в открытии школ японского языка, строительстве храмов японского буддизма и синтоизма и т.д. Япония начала распространять свои культурные традиции, язык и религиозные верования, пытаясь изменить культурное сознание китайского народа.

В статье собраны и систематизированы материалы, отражающие строительство и функционирование японских культовых построек в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии) первой половины XX в. В научный оборот вводятся редкие фотографии, относящиеся к истории японского храмоостроительства на Северо-Востоке Китая, а также исследования китайских и японских ученых, обращенные к данной проблеме. На основе труднодоступных китайских и японских собраний музейных архивов, фотографий, альбомов, открыток, опубликованных в 30-е гг. прошлого века, раскрывается история формирования и развития японской религиозной архитектуры на территории Маньчжурии, её политические, идеологические и религиозные функции. Часть фотодокументов является результатом полевых исследований авторов в провинциях Северо-Восточного Китая.

В представленных материалах запечатлены драматические страницы истории и культуры Китая первой половины XX в., когда китайский народ на значительной части своей территории подвергался не только военной оккупации, но и культурной интервенции, одним из инструментов которой была религия.

Дискуссия по поводу понятия «культурная агрессия» в контексте японской религиозной экспансии и формирования японского религиозного ландшафта на территории Маньчжурии

Обращая свои взоры на факты культурной экспансии начала XX в. со стороны Японии, многие китайские ученые определяют их как проявление «культурной агрессии». При этом выдвигают разные точки зрения на само явление и его дефиниции. Некоторые считают, что упоминание термина «культурная агрессия» отражает национально-патриотическую идеологию захваченной нации [Чен Вейли, 1987, 33]. Часть ученых утверждает, что «культурная агрессия» не является нормативной академической формулировкой [Ху Вэйцин, 2000, 64]. Ряд исследователей прямо классифицируют культурную агрессию как политический лозунг, утверждая, что политические лозунги не подходят для академических стандартов [Ван Лисинь, 2002, 18]. Среди китайских ученых до сих пор продолжается дискуссия по поводу точного определения «культурной агрессии». Профессор Тао Фейя, преподаватель литературного факультета Шанхайского университета, отмечает: «Китайские и зарубежные ученые, возможно, допустили серьезную оплошность – все они сосредоточились на обсуждении того, подходит ли эта концепция в качестве инструмента или основы для академического анализа, но они не замечают, что термин “культурная агрессия” отражает факт истории культуры...» [Тао Фейя, 2003, 88].

Проблема «культурной агрессии» и её связи с архитектурным ландшафтом, религиозными практиками была предметом изучения китайских и японских ученых – Тао Фейя, Ван Лисиня, Ши Чэньси, Минору Цудзико и других [Тао Фейя, 2003; Ван Лисинь, 2002; Ши Чэньси, 2021; Минору Цудзико, 2003]. Основы вероучения и культовых практик синтоизма, его архитектурное оснащение и храмовые ритуалы, политическая миссия синтоизма и его архитектуры представлены в публикациях ряда российских японоведов, среди которых из числа последних работ наиболее

близки теме нашего исследования статьи Э.В. Молодяковой, В.Э. Молодякова, Г.Б. Спиридонова [Молодякова, 2012; Молодяков, 2012, Спиридонов, 2012]. Японская архитектура в Маньчжурии первой половины XX в. изучена китайскими и японскими учеными Хэ Цзиньсуном, Цю Гаосином, Ши Ченси, Чэнь Сюйву, Чжан Цзянь, Ли Цзинсяном, Сионга Кавабая, Касахара Сатоси и другими [Хэ Цзиньсун, 2001; Цю Гаосин, 2018; Ши Ченси, Чэнь Сюйву, 2013; Чжан Цзянь, Ли Цзинсян, 2017; Сионга Кавабая, 2013].

Религиозная политика Японии и японские культовые постройки на Северо-Востоке Китая первой пол. XX в.

Япония открыла дверь в Северо-Восточный Китай в ходе Первой китайско-японской войны (1894–1895 гг.). С победой в русско-японской войне (1903–1905 гг.) темпы её агрессии в Маньчжурии ускорилась. Япония оккупировала Южно-Маньчжурскую железную дорогу и её полосы отчуждения, а город Далянь и окружающие его земли стали японским колониальным владением – Квантунским губернаторством. В сентябре 1931 г. после спровоцированного японскими военными Мукденского инцидента началось вторжение в Северо-Восточный Китай Квантунской армии, которая заняла к концу 1932 г. практически всю его территорию. Для политического прикрытия военной интервенции 1 марта 1932 г. японскими властями было проведено Всеманьчжурское совещание, на котором было провозглашено Маньчжоу-Го – марионеточное государство во главе с Пу И, последним императором Цинской династии, свергнутыми в ходе Синьхайской революции 1911–1912 гг.

Вместе с армией и семьями военнослужащих японские религии пришли в Северо-Восточный Китай ещё в начале XX в. В октябре 1905 г., после окончания русско-японской войны, Япония и правительство Цин подписали «Китайско-японскую конвенцию по вопросам, касающимся трех восточных провинций (дополнительный договор)», где было сказано, что китайское правительство должно надлежащим образом охранять могилы японских солдат и храмы, установленные в трех восточных провинциях.

Буддийские культовые постройки. Одной из первых территорий Маньчжурии, где военное, культурное и религиозное присутствие Японии распространялось быстро и широко, был Ляодунский (Квантунский) полуостров. Здесь, рядом с Японскими островами, на формально арендованных в 1905 г. землях, было учреждено, как отмечено выше, Квантунское губернаторство.

В Порт-Артуре и Даляне были основаны первые храмы японского буддизма в провинции Ляонин. Количество и распространение буддийских храмов увеличилось по мере расширения сферы влияния Японии в Маньчжурии и прироста японского населения.

Вскоре здесь появился храм квантунского отделения Хигаси Хонган-дзи (кит. 东本愿寺关东别院). Главный храм – Хигаси Хонган-дзи, относившийся к буддийской Истинной школе Чистой земли (Дзёдо-синсю), находился в Японии в г. Киото. Со времён Средневековья Дзёдо-синсю была тесно связана с самураями и духом японского милитаризма. В 1915 г. японцами для отправления ритуалов Чистой земли был построен в г. Даляне храм, который выступал в качестве главной культовой постройки отделения, «филиала» Истинной школы Чистой земли на Квантунском полуострове. Он являлся самым большим японским храмом в провинции Ляонин. После капитуляции Японии в 1945 г. здесь разместилась Далянская библиотека, а в 1990 г. храм стал местом проведения театральных мероприятий [Сионга Кавабая, 2013, 36] (илл. 1, 2).

Расширяя присутствие японского буддизма, японские власти строили другие храмы на территории Маньчжурии. Так, во времена Маньчжоу-Го в Чанчуне было в 1936–1937 гг. построено Маньчжурское отделение храма Хонган-дзи (кит. 东本愿寺满洲 «别院») [Цю Гаосин, 2018, 126–134]. Здание сохранилось до сих пор, оно расположено по адресу улица Бэйань, дом 735, район Чаоян, Чанчунь (илл. 3, 4).

В Харбине 23 сентября 1935 г. была открыта созданная по инициативе командования Квантунской армии пятигранная буддийская пагода Чжунлин (кит. 忠灵塔) высотой 67 м. Здесь были захоронены останки более 4 тыс. японских военнослужащих и гражданских лиц, погибших в Маньчжурии. В пагоде имелись мо-

Илл. 1. Храм квантунского отделения Хигаси Хонган-дзи. По: https://mbd.baidu.com/newspage/data/dtlandingsuper?nid=dt_5004019436333259363.

Илл. 2. Храм квантунского отделения Хигаси Хонган-дзи. По: https://mbd.baidu.com/newspage/data/dtlandingsuper?nid=dt_5004019436333259363.

Илл. 3. Маньчжурский «филиал» храма Хонган-дзи.
Фотография Фэн Ишань, 2024 г.

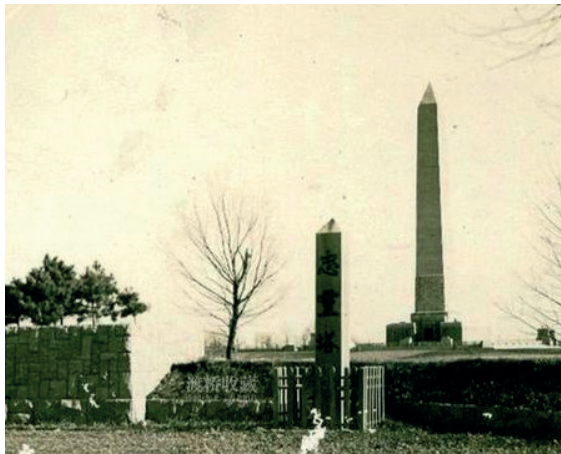

Илл. 4. Маньчжурский «филиал» храма Хонган-дзи.
Фотография Фэн Ишань, 2024 г.

литвенный зал, помещения для хранения реликвий и т.д. В 1990-х г. пагода, превращённая после 1949 г. в вышку для прыжков с парашютом, была демонтирована. Харбинская Чжунлин была самой высокой, но не единственной такого рода пагодой. Строительство пагод Чжунлин было начато японцами на китайской земле задолго до 1935 г. – сразу после окончания русско-японской войны для почитания душ погибших воинов. К 1945 г. они были построены практически во всех крупных городах Маньчжоу-Го от Далиня до Хайлара. Для строительства, обслуживания и организации жертвоприношений в таких пагодах действовала «Ассоциация пагод Чжунлин», которую возглавлял начальник штаба Квантунской армии. Все без исключения китайцы, проходя мимо таких пагод, обязаны были совершать ритуальный поклон, чувствуя души завоевателей (илл. 5).

Синтоистские культовые постройки. Наряду с буддийскими японские власти активно возводили синтоистские храмы и другие культовые сооружения. Синто – автохтонная религия японцев. Слово синто означает «путь ками» (ками – дух, божество). В своих истоках синто восходит к эпохе формирования японского этноса. С появлением в Японии буддизма, конфуцианства, даосизма синто активно взаимодействовало с ними. В итоге синто стало частью синкретического религиозного комплекса, составляющего основу религиозной жизни японцев. При этом, однако, синто в значительной мере сохранило свою самобытность и существовало в японской культуре как особая система верований и культовых действий. Ядро синтоистской мифологии составляют повествования об Аматэрасу. Аматэрасу – «сияющая на небе богиня», богиня солнца, глава синтоистского пантеона, прародительница человеческого рода, в первую очередь – предок императорской семьи. В силу своего мифического родства с богиней Аматэрасу японские императоры получали статус бо-

жественных фигур. Ключевую роль в религиозно-мифологических представлениях синто играет идея происхождения японцев от ками – богов. Некогда, на заре истории, ками появились в мироздании и начали вершить полезные дела, творя разные природные явления. В ходе творения ками создали людей, причём не вообще человеческий род, а именно японцев. В последующем ками стали покровителями особых мест, территорий и предками разных родов. Каждая японская семья имеет своего ками, от которого ведёт род. В каждом японце – частица ками. Среди представителей других народов, согласно синто, нет ничего от ками, от божественной природы.

*Илл. 5. Буддийская пагода Чжунлин, Харбин.
Материалы личного архива г-на Цзюй Вэя.*

Религиозно-мифологические представления о происхождении японцев от ками, о божественной природе японцев, о божественности императора и родственные им идеи стали в середине XIX в. основой формирования идеологии национальной исключительности японцев, их этническом превосходстве и праве на власть над другими народами. Такая идеология вдохновляла японский милитаризм и стала одним из источников военных конфликтов, развязанных японцами в XX в. [Спеваковский, 1987; Накорчевский, 2003].

В Японии традиционно синтоистские храмы считались местопребыванием одного или нескольких ками – например, ками местности или семьи. Ритуальное посещение храма выступало формой общения с ками, с которыми посетителей-японцев в той или иной степени связывали родственные узы. В Маньчжурии функция общения с предками-ками сохранилась: синтоистские храмы обеспечивали условия для традиционных культовых практик прибывавшего в Маньчжурию многочисленного японского населения – военных, их семей, предпринимателей и т.д. Важной функцией храмов на чужой земле стало почитание погибших в ходе завоевания Китая японских солдат, души которых, согласно вероучению, превратились в ками. Особая функция синтоистских храмов заключалась в укоренении в среде местного населения культа Аматэрасу и её «божественных потомков» – японских императоров в качестве колониальной идеологии, утверждавшей превосходство японцев и Японской империи.

В начале XX в. на Ляодунском полуострове были построены многочисленные синтоистские храмы. Ши Ченси, Чэнь Сюйву отмечают: «после того, как мы собрали архивы Квантунских офицеров [Касахара Сатоси, 1933, 255–256], обнаружили, что до 1931 г. приверженцы синтоизма уже создали 10 храмов в Квантунской области и 31 храм в полосах отчуждения Южно-Маньчжурской дороги [Ши Ченси, Чэнь Сюйву, 2013, 10–16]. К моменту учреждения марионеточного государства Маньчжоу-Го синтоизм уже распространился по всему Северо-Востоку Китая.

Храм в Фэнтянь (кит. 奉天神社) в Мукдене (современном Шеньяне), был в основном отстроен в 1915 г. Он располагался к северо-западу от площади Чжуншань в районе Хэпин. Реконструкции храма продолжались до 1938 г. В храме главными объектами поклонения являлись богиня Аматэрасу и император Мэйдзи (Муцухито). После основания КНР храм – символ японского владычества – был частично разрушен. С 1950-х гг. здания в храме постепенно демонтировались, а оставшиеся храмовые постройки были снесены в 1980-х гг. [Чжан Цзянь, Ли Цзинсян, 2017, 61–65] (илл. 6, 7, 8).

Синтоистский храм Укрепления основ нации (кит. 建国神庙, Цзяньго шэньмяо) был отстроен в Чанчуне к маю 1940 г. в юго-восточной части дворца Пу И, императора Маньчжоу-Го. Объектом почитания была Аматэрасу Омиками, богиня солнца Небесного Сияния, объявленная божественной покровительницей Маньчжурии. Много позже, в 1960-е гг., Пу И вспоминал: «... Я построил возле дворца из белого

деревянный Храм укрепления основ нации, специально основал Палату поклонения во главе с бывшим начальником штаба Квантунской армии Хасимото Тораносукко. Первого и пятнадцатого числа каждого месяца командующий Квантунской армией, а также чиновники марионеточного правительства во главе со мной совершали там жертвоприношения. Впоследствии во всех уголках Северо-Востока были построены такие храмы и в них в определённые дни совершался обряд жертвоприношения. Каждый проходящий мимо такого храма должен был отвешивать низкий поклон, в противном случае его ждала суровая кара за непочтение. Население ненавидело эти храмы, не хотело им кланяться и обходило их стороной» [Пу И, 1968, 387].

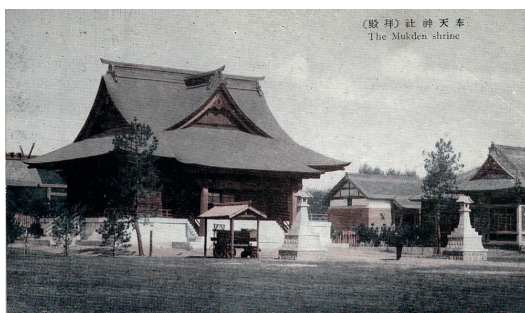
На алтаре храма Укрепления основ нации находилось изображение Ама-тэрасу. «Каждый раз перед тем, как отправиться в храм Ама-тэрасу Омиками, я отбивал у себя земные поклоны табличкам моих предков, – с раскаянием вспоминал Пу И. – И, кланяясь алтарю Небесного Сияния, я говорил себе: “Это я не ей кланяюсь, а дворцу Куньнингун в Пекине”» [Там же, 388]¹. Из соображений безопасности богини под святилищем было оборудовано глубокое бомбоубежище, куда изображение при необходимости прятали. При приближении советских войск Пу И 11 августа 1945 г. бежал из дворца. По приказу командования Квантунской армии деревянный храм был сожжён [Пу И, 1968, 406; Ши Чэньси, 2021, 34]. Вскоре город и императорский дворец были заняты советской армией, а готовый вылететь в Японию Пу И 19 августа арестован в Мукдене и на следующий день этапирован в Читу, а затем в Хабаровск (илл. 9, 10, 11).

Синтоистские культовые постройки в Харбине. Одним из крупных центров Маньчжоу-Го был Харбин – основанный русскими в 1898 г. на линии КВЖД большой многонациональный город, с развитой экономической, культурной и религиозной жизнью. Японская диаспора существовала здесь до 1932 г., но составляла незначительную часть населения, чья культура и религия оставалась в тени религиозных традиций русских и китайцев – основного населения. Со времени учреждения Маньчжоу-Го в Харбине широко распространяются японские традиционные религии. Заметной частью городского ландшафта становятся японские храмовые постройки.

Самые ранние синтоистские храмы в Харбине восходят к 1904 г. Тогда был построен Харбинский храм Гококу (ит. 哈尔滨护国神社) – фактически, небольшая кумирня. Сегодня следы его существования можно найти по адресу Хэпин-лу, район Сянфан. Японский исследователь Минуру Цудзико отмечал: «Храм Гококу являлся «дочерним» храмом храма Ясукуни. Большинство ему подобных было построено в военных гарнизонах. Их цель – почтить память умерших японских солдат. Харбин-

Илл. 6. Храм в Фэнтянь (Мукдене).
Главный вход. Открытка.

Илл. 7. Храм в Фэнтянь (Мукдене).
Открытка.

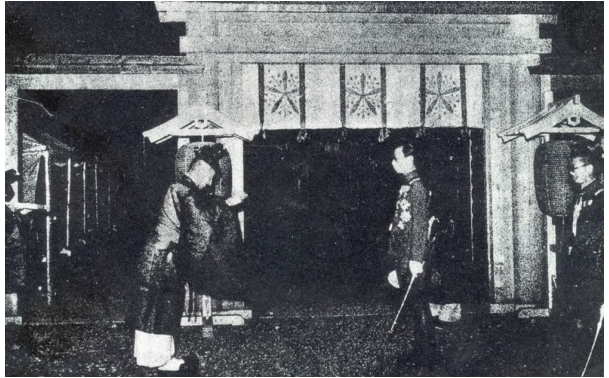
Илл. 8. Зал поклонения в храме Фэнтянь.
Открытка.

ский храм Гококу был построен в 1904 г. в память о двух японских военных, Иокогаве и Оки» [Минору Цудзико, 2003, 109] (илл. 12, 13). «По приказу командования японской армии Иокогава и Оки отправились в Северную Маньчжурию, чтобы прослушивать российскую военную разведку, уничтожить транспорт и линии связи, но они были арестованы российской армией и расстреляны. Японская армия захватила Харбин 5 февраля 1932 года, а в 1934 году на месте захоронения разведчиков был построен ещё один памятник» [Ши Чэньси, 2021, 57].

Следует отметить, что храм Ясукуни, отстроенный в 1869 г. в Токио и существующий до сих пор, на всём протяжении своей истории является символом японского милитаризма. Долгое время он находился в ведении военных ведомств, руководство которых вместе с императорами и высшими чиновниками отправляло здесь ритуалы в честь по-смертно обожествлённых военнослужащих японской армии. Многочисленные «дочерние» храмы Ясукуни служили «обителью» душ погибших, которые становились объектом синтоистского культа.

В ходе захвата Харбина в феврале 1932 г. Квантунской армией на окраине города погибло около полусотни японских солдат. Их «верные души» стали объектом религиозного почитания, материализованного в памятнике Верной душе (кит. 忠魂碑). Такого рода памятники являлись типичными синтоистскими мемориальными постройками, связанными с культом погибших военнослужащих. Церемония «поднятия занавеса» – открытия харбинского мемориала Верной душе была совершена в феврале 1939 г. (илл. 14).

История храма Дун Сян в Харбине тоже тесно связана с военными действиями. «В 1936 г. японская армия экспроприровала

Илл. 9. Император Пу И в синтоистском храме Укрепления основ нации, Чанчунь. По: Сун Вэйхун. Историческое свидетельство религиозной агрессии Японии: изучение храма Цзяньго в Маньчжурии // Pu Yi Research. 2013. № 1. Музей Королевского дворца в Маньчжурии; 2013 год 9. 宋伟宏. 日本宗教侵略的历史见证——伪满建国神庙实考 // 溥仪研究 2013年第1期. 伪满皇宫博物院; 2013:9.

Илл. 10. Остатки фундамента храма Укрепления основ нации, Чанчунь. Фотография А. Забияко, 2024 г.

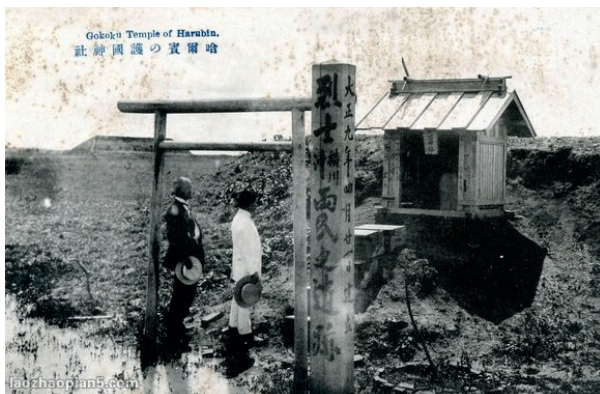
Илл. 11. Вход в бомбоубежище Аматаэрасу при храме Основания государства. Фотография А. Забияко, 2024 г.

ла землю в районе Пинфан в Харбине и создала здесь военную запретную зону для исследований бактериального оружия. Затем этот отряд был переименован в 731-ой отряд Квантунской армии» [Ван Силян, 2015]. К своей монографии учёные приложили схему расположения базы Отряда 731 (илл. 15). В левой части схемы обозначено расположение храма Дун Сян. Согласно мемуарам японского писателя Шиничи Моримура и другим данным, название храмы было связано с именем погибшего командира отряда Широ Исии, который сменил своё имя на Дун Сян Широ и поэтому храм был назван соответственно [Шиничи Моримура, 1982, 48; Гао Сяоян, Ван Силян, 2015, 61]. К сожалению, информация об этом храме крайне скудна. Ясно только, что многие японские культовые сооружения – харбинский храм Гококу, храм Дун Сян и им подобные строились для отправления обрядов поклонения погибшим японским военным.

Синтоистский храм находился в районе Ачэн города Харбин – храм Ачэн (кит. 阿城神社). «В 1940 году строительством руководил консул Японии. В храме совершали жертвоприношение богине Аматэрасу и пропагандировали “поклонение богине Аматэрасу” и “верность японскому императору”. Японцы заставляли китайцев приходить сюда поклоняться. Теперь существуют только каменные столбы ворот, которые называются “тории”» [Государственное управление, №: 230112-0173] (илл. 16, 17, 18)².

Из архивных данных известно, что храм Ачэна был посвящён также памяти павших солдат, он служил японским солдатам для гарнизонных богослужений.

Помимо храма в Ачэне в Харбине был построен также Харбинский храм (кит. 哈尔滨神社). Строительство Харбинско-

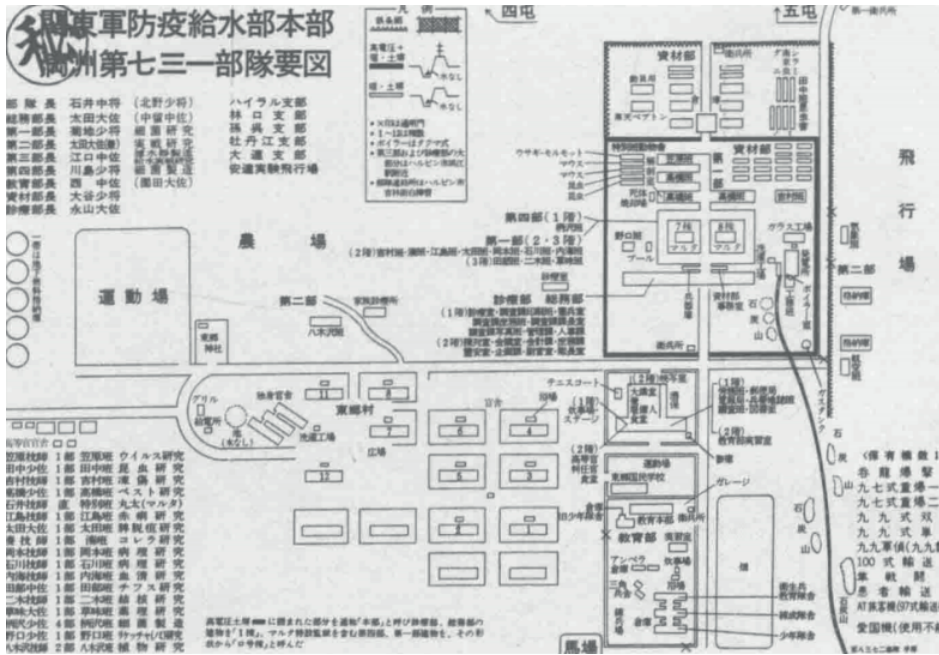
Илл. 12. Харбинский храм Гококу.
По: Минору Цудзико. Исследование храма Ясукуни.
Токио: Синканиша, 2003. С. 109.

Илл. 13. Харбинский храм Гококу. На стеле надпись: Памятник павшим героям Ока и Йокогава. По: Ши Чэньси. Исследование святынь Северо-Восточного Китая в контексте культурной колонизации. Северо-восточный педагогический университет, 2021. [石晨曦. 文化殖民背景下中国东北地区的神社研究[D]. 东北师范大学, 2021].

Илл. 14. Памятник Верной душе, Харбин.
Материалы личного архива г-на Цзюй Вэя.

Илл. 15. Схема расположения базы Отряда 731 и Храм Дун Сян.

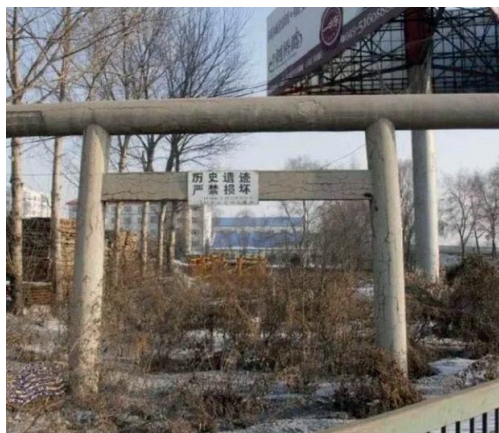
го храма началось в марте 1935 г., первоначально он располагался в районе Нанган (ныне район Северо-западной части торгового центра Хунбо). Храм был снесён после 1945 г. (илл. 19, 20, 21).

Представленные фотоматериалы запечатлели основные архитектурные компоненты синтоистских храмов: тории, хайдэн и хондэн. Тории – это сооружение из столбов, которое представляет собой ворота, ведущие в мир богов. Хайдэн – зал поклонения или модельный зал, где проводятся жертвоприношения и богослужения. Хондэн – главный зал, это обитель ками, важнейшая часть святилища; запретная для посещения вне специального порядка часть храмового комплекса, здесь хранятся реликвии. Постройки хайдэна и хондэна обычно сооружаются в виде двух соединенных между собой зданий.

Илл. 16. Карта района Ачэн города Харбина и местоположение храма. Архив культурных реликвий Харбин-Ачэн Государственного управления культурного наследия. № 230112-0173.

Кроме описанных выше храмов японцы дополнили религиозный ландшафт Харбина несколькими стелами и обелисками, служившими для захоронения праха солдат или религиозно-мемориальными объектами в память о крупных военных событиях. Например, недалеко от храма Гококу был расположен обелиск в честь обожествлённых Икогавы и Оки (илл. 22, 23, 24).

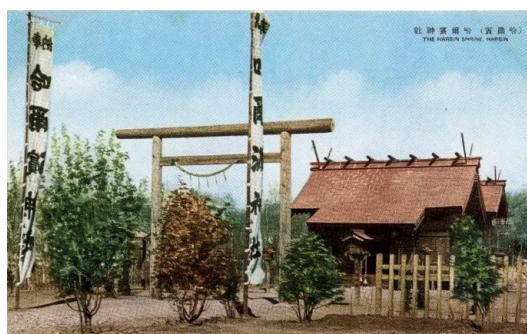
Илл. 17. Тории храма Ачэн. Архив культурных реликвий Харбин-Ачэн Государственного управления культурного наследия. № 230112-0173.

Илл. 18. Тории храма Ачэн. Архив культурных реликвий Харбин-Ачэн Государственного управления культурного наследия. № 230112-0173.

Илл. 19. Харбинский храм на страницах альбома 30-х годов XX в. Материалы личного архива г-на Цзюй Вэя.

Илл. 20. Тории, хайдэн и хондэн Харбинского храма. Материалы личного архива г-на Цзюй Вэя.

Илл. 21. Тории, хайдэн и хондэн Харбинского храма. Материалы личного архива г-на Цзюй Вэя.

Илл. 22. Памятник в честь Йокогавы и Оки, Харбин. Материалы личного архива г-на Цзюй Вэя.

Илл. 23. Памятник в честь Йокогавы и Оки, открытка, Харбин.

23 сентября 1936 г. японские военные и служащие армии Маньчжоу-Го провели церемонию повторного захоронения близ обелиска Йокогавы и Оки останков, чтобы увековечить память японских офицеров и солдат, погибших на территории Китая. Э.В. Молодяков справедливо отмечал, что в то время прогосударственная проповедь синто и идеологии «школы национальных наук» (кокугакуха) стали базовым компонентом новой государственной идеологии [Молодяков, 2012, 193]. Синтоистская архитектура и ритуалы,

проводимые в синтоистских зданиях, были одним из главных носителей идеологии японской этнической религии, они устанавливали связь между национальными политическими стратегиями и религиями, а также делали синтоизм инструментом оправдания военной агрессии и культурной экспансии. Японские захватчики заставляли китайцев поклоняться японским богам, душам погибших оккупантов, принимать японскую религиозную культуру. «Во времена Маньчжоу-Го все школы должны были проводить утренние церемонии. Основная церемония состояла в том, чтобы поднять национальный флаг Японии и Маньчжоу-Го, спеть национальный гимн Японии и Маньчжоу-Го, поклониться в сторону императора Японии и японского храма и вызубрить “Императорский манифест” от императора Пу И» [Ци Хуншен, 2015, 103] (илл. 25). Синтоистские храмы и навязываемые культы были способом глубокой трансформации культурного и этнорелигиозного сознания китайцев в направлении формирования комплекса неполноценности и чувства зависимости от Японской империи.

Японское религиозное влияние распространялось не только на китайское население, но и на русское.

Особенно сильным оно было в русских и смешанных школах. После начала японской оккупации Маньчжурии многонациональное население Харбина столкнулось с вынужденной необходимостью приспособляться к культурным и религиозным традициям оккупантов, насаждаемым с присущей японцам последовательностью. Постепенно (с 1934 г.) началась японизация школьной системы, внедрение при посредничестве прояпонского Бюро по делам российских эмигрантов в традиционное религиозное воспитание японских культов. Это культурное и религиозное давление продолжалось вплоть до августа 1945 г. В устных историях харбинки Натальи Лалетиной, 1931 г. рождения, отразились непосредственное восприятие девочкой-подростком насаждаемых извне обычаев, а также наблюдения за тем, как воспринимали эти процессы взрослые русские, её окружающие – учителя и родные (многие – бывшие белогвардейские офицеры).

«Мы в школе полностью зависели от японцев...

И мы должны были всё это послушать с опущенной головой. Все. Никто не

Илл. 24. Памятник в честь Йокогавы и Оки, открытка, Харбин.

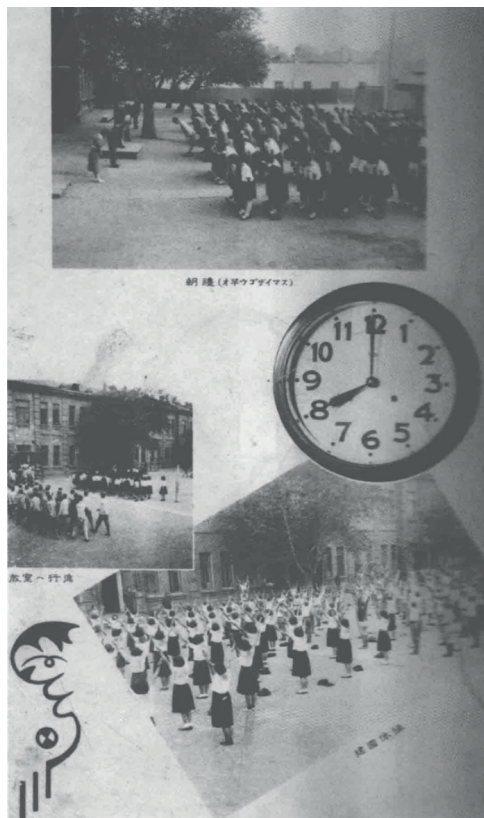
имел право поднять голову и, как говорится, и подглядывать ни в коем разе. Он выходил из этого... учительской, руки были протянуты вперед, перпендикулярно к телу и в руках он держал такой свиток белый. Ну, что такое свиток, знаете, да? Такой скрученный, и он его нёс с опущенной головой. Затем он к нам поворачивался лицом. Мы так это слегка видели, конечно, что это так делалось, ну, подглядывали, конечно, естественно. И вот он начал там читать. А читал он, значит, манифест Его Императорского Величества Императора Маньчжоу-Го или Маньчжоу-Диго [речь идёт о Пу-И].

<...> “Мы, Наше Императорское Величество, и т-т-т...”. Убей, не помню, что там было, мы не вникали в какие-то эти речи, а раз мы не вникали, мы терпеливо стояли, ждали. Он это всё прочитал, потом это всё неторопливо свернул свиток, снова повернулся очень чётко назад, наоборот и ушёл в эту... в учительскую. После этого мы пели гимн Его Императорскому Величеству Тэнноо. Это гимн японскому императору. Он был Хирохито. Но его никогда не называли Хирохито, потому что это его имя земное, а он считался божественным жителем, потому что он высший, был ближний к Богу, и он был Тэнноо. Вот так писалось. Два О на конце. И значит, мы пели гимн Кими га ё³ [君が代 Kimi ga yo]—это гимн императору. Ну, я слова знаю, но не все... Потом, когда мы пропели этот гимн, мы слушали старшего по школе ученика шестого класса, то бишь второго класса, да, потому что было четыре отделения и два класса, который говорил: “В сторону Его Императорского Величества поклон! Сайкерэй!” И мы поворачивались все, как один, на Восток, и делали глубокий поклон в сторону его императорского величества. Конечно, на этом все кончалось, выходил опять директор и говорил: “Так, смирно, по классам расходись” <...>» [Забяко, 2021, 80].

Так через насильственное внедрение идеологии синтоизма стремились обеспечить древней японской религии доминирующее место в конфигурации религиозной жизни Харбина и Северо-Восточного Китая, в которой прежде мирно уживались традиционные религии Китая, католицизм, православие, протестантизм, ислам и другие конфессии.

Учреждение синто в качестве государственной религии Маньчжоу-Го. Строительство синтоистских культовых сооружений, насаждение в культуре местного населения чуждых верований и ритуалов отражало стремление Японской империи подчинить жителей Маньчжурии не только военно-политическому диктату, но и религиозному контролю. Способом манипуляции культурным сознанием было избрано синто, а механизмом манипуляции – превращение её в государственную религию [Забяко, 2006, 248–249].

Свидетельством роли синто в японской военной и религиозной колонизации Северо-Восточного Китая являются воспоминания Пу И (1906–1967 гг.). Вторую

Илл. 25. Синтоистский ритуал китайских школьников в Харбинском профессиональном училище и частной коммерческой школы Лунгуан.

По: Ци Хуншан. Японское вторжение в Китай, том 22. Культурное вторжение и рабское образование. Цзинань: Shandong Pictorial Publishing House, 2015. 103 [齐红深. 日军侵华图志, 第22卷, 文化侵略与奴化教育. 吉林: 山东画报出版社, 2015. 103].

половину своей жизни, после 1945 г., бывший император Маньчжоу-Го провёл вначале в СССР, а затем с 1950 г. в КНР. В 60-е гг. он описал первую половину своей жизни в мемуарах с одноименным названием. Согласно его воспоминаниям, уже в середине 30-х гг. командование Квантунской армии начало продвигать идею о том, что у населения Японии и Китая должна быть одна религия. Проводником этой идеи был приставленный к Пу И старший советник Квантунской армии генерал Ёсиока. Буддизм для роли общей религии не подходил, поскольку был, по мнению Ёсиоки, «иностранный религией». Пока Пу И пытался понять, в чём состоит замысел общей религии, её проект окончательно сложился в головах военных. «Не успел я прийти к какому-либо окончательному решению, как прибыл новый командующий Квантунской армией и пятый посол в Маньчжоу-Го Умэдзу Ёсидзира. Через Ёсиоку он передал, что японская религия – это и есть религия Маньчжоу-Го и что я должен воспринять веру в божество Небесного Сияния – божественного предка японской императорской семьи – и сделать этот культ официальной религией Маньчжоу-Го...». Идеологи Квантунской армии полагали, что «с течение времени синтоистская религия пустит корни среди молодёжи, в то время как старшее поколение постепенно привыкнет к ней. <...> Я рассматривал это как осквернение веры моих предков». Тем не менее Пу И, будучи марионеткой в руках Японской империи, принял к исполнению решение японских властей. «Я помнил, что должен согласиться, чтобы сохранить свою жизнь и безопасность. Разумеется, и тут я нашел себе оправдание: я буду приносить жертвы моим собственным предкам у себя дома, а публично – признавать новых. Приняв такое решение, я совершил моление перед табличками моих предков...» [Пу И, 1968, 386–387].

С 1940 г. внедрение синто в религиозную жизнь Маньчжоу-Го в качестве главенствующей религии и официальной идеологии становится планомерной религиозной политикой командования Квантунской армии. При правительстве было создано Управление культа, которое возглавил генерал-лейтенант японской армии Хасимото Тораносукэ. В его ведение входило, помимо прочего, строительство и содержание синтоистских храмов. Забегая вперёд, отметим, что в августе 1945 г. он сопровождал бежавшего в Мукден Пу И. Хасимото Тораносукэ вёз с собой назад в Японию «священные предметы» синтоизма – меч, бронзовое зеркало и нефритовую пластину, символизировавшие Аматэрасу. Вместе с Пу И он был арестован. Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период ан на аэродроме [Пу И, 1968, 406–407]. Его судили на процессах против военных преступников в Хабаровске и Токио. Он умер от болезни в 1952 г. в Хабаровске, где и был похоронен.

В штат Пу И был назначен присланный из Токио «специалист по синтоизму», который проводил с императором и его приближенными занятия. «Учебные материалы, которыми он пользовался, казались поистине странными. На одном из свитков было изображено дерево. Он объяснил, что корни этого дерева и есть синто, а ветви – другие религии земного шара; другими словами, все религии восходят к синто» [Там же, 389]. Как было отмечено выше, при дворце Пу И действовал храм Аматэрасу, в котором последний китайский император и его приближённые вместе с командованием Квантунской армии регулярно демонстрировали преданность богине Небесного Сияния и её потомкам – японским императорам.

Простым подданным новую прояпонскую религиозную идеологию власти инкорпорировали в сознание при помощи Манифестов, ритуалов и храмов. Манифесты от имени Пу И обычно писали японцы. В каждом Манифесте провозглашались величие Японии и японского императора, необходимость проявлять покорность и следовать «пути богов». Для Пу И неизменно повторявшаяся в них фраза «Благодаря деяниям божества Небесного Сияния и покровительству его величества императора Японии» стала своего рода молитвой [Там же, 383–390]. Ежедневное публичное чтение этих Манифестов являлось обязательным религиозным ритуалом в школах и других государственных учреждениях. Именно о них говорила Н.Н. Лалетина, рассказывая о «свитке». «Школьники, студенты, солдаты должны были знать их наизусть, и, если забывали текст или ошибались, их наказывали Манифесты не только служили материалом для пропаганды рабской покорности среди населения, но и основанием для судебного преследования и подавления оппозиции» [Там же, 384].

В духе этих Манифестов правительство Маньчжурии декларировало свою политику в области культуры и образования: «Следует учить народ синтоизму, строить синтоистские храмы Основания Маньчжоу-Го, поклоняться Амаэрасу и пропагандировать это народу... Пусть население Маньчжурии служит Амаэрасу... Запрещено верить в конфуцианство»⁴. Служить Амаэрасу подданные Маньчжоу-Го должны были в синтоистских храмах, которые были построены фактически в каждом городе. Все они находились в ведении японской власти, фактически – командования Квантунской армии.

Заключение

Контакты между народами Северо-Востока Китая и Японии складываются в глубокой древности. В силу географической близости на обеих территориях возникают формируются диаспоры. Японская диаспора в Маньчжурии сохраняла свои религиозные традиции – японский буддизм в форме разных течений, синто, культовые постройки и ритуалы которых обеспечивали вплоть до начала XX в. её внутренние религиозные потребности. По мере роста милитаризма Японской империи, с началом войн на китайской земле важной функцией культовых построек становится почитание погибших в ходе завоевания Китая душ японских солдат.

После захвата японцами в 1932 г. Маньчжурии функции японского буддизма – и в особенности синто – на Северо-Востоке Китая расширяются. Как отмечено выше, буддийские и синтоистские культовые постройки становятся способом глубокой трансформации культурного и этнорелигиозного сознания местных жителей в направлении формирования комплекса неполноценности и чувства зависимости от Японской империи. В русле религиозной политики Японской империи в Маньчжурии синто было возведено командованием Квантунской армии в положение государственной религии. Тем самым синтоизм должен был изменить положение традиционных религий Китая и других религий местного населения. Отстроенные на территории Северо-Восточного Китая синтоистские культовые постройки были призваны занять место доминирующих религиозных объектов, почитание которых было обязанностью всего населения Маньчжоу-Го. Синтоистские храмы выступали в качестве государственных святынь, маркирующих присутствие богини Амаэрасу Омиками и других kami на китайской земле и легитимизирующих власть «божественных» правителей Японии, Квантунской армии над населением Маньчжоу-Го.

Не случайно поэтому японская религиозная архитектура после разгрома Квантунской армии разделила её судьбу. На территории Северо-Восточного Китая почти не осталось следов её присутствия. Она стала частью истории, сохранившись лишь на поблекших фотографиях и в записях архивных документов...

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, № 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Acknowledgment

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation, No. 24-18-00807, <https://rscf.ru/project/24-18-00807/>

Библиографический список

1. Забияко, А.А. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной) / А.А. Забияко, Цзюй Куньи // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 78–94.
2. Забияко, А.П. Государственная религия / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 248–249.
3. Молодяков, В.Э. Боги как прошлое: синто в национальной историософии и историографии Японии (от Мэйдзи исин до Второй мировой войны) / В.Э. Молодяков // Синто: память культуры и живая вера. – 2012. – С. 187–201.

4. Молодякова, Э.В. Проблемы святилища Ясукуни / Э.В. Молодякова // Синто: память культуры и живая вера. – 2012. – С. 202–222.
5. Спиридонов, Г.Б. Архитектурный синкретизм храма Никко Тосё-гу / Г.Б. Спиридонов // Синто: память культуры и живая вера. – 2012. – С. 146–156.
6. Сумароков, Е.Н. Харбинская епархия в прошлом и настоящем / Е.Н. Сумароков // Хлеб Небесный. – 1942. – № 2. – С. 13–15.
7. Троицкая, С.С. Харбинская Епархия. ее храмы и духовенство / С.С. Троицкая. – Брисбен: Издание Жемчужина, 2005. – 5 с.
8. Чэнь, Бин. Особенности исторического развития города Чанчунь: культурные взаимовлияния в архитектуре конца XIX – первой половины XX в / Чэнь Бин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 255–265.
9. Fairbank, J.K. The Missionary Enterprise in China and America / J.K. Fairbank. – Cambridge Massachusetts: Harvard University Press, 1974. – P. 395–398.
10. Nakajima, Michio. Зарубежные синтоистские храмы / Nakajima Michio. – Канагава: Издательство Канагавского университета, 2007. – С. 95–105 (中島三千男『海外神社』跡地に関するデータベース構築について / 中島三千男. – 神奈川: 神奈川大学, 2007. – 95–105頁).
11. Айсиньгёро, Пуи. Первая половина моей жизни / Айсиньгёро Пуи. – Пекин: Народное издательство, 1984. – С. 350–365 с. (爱新觉罗·溥仪. 我的前半生 / 爱新觉罗·溥仪. – 北京: 群众出版社, 1984. – 350–365頁).
12. Ван, Лисинь. Культурная агрессия и культурный империализм: дифференциация и анализ двух парадигм оценки американской миссионерской деятельности в Китае / Ван Лисинь // Исторические исследования. – 2002. – № 3. – С. 98–109 (王立新. 文化侵略与帝国主义: 美国传教士在华活动两种评价范式辨析 / 王立新 // 历史研究. – 2002. – № 3. – 98–109頁).
13. Ван, Хунбинь. Протокол о неравноправных договорах и соглашениях Японии о вторжении в Китай. – Шэньян: Ляонинское народное издательство, 2010. – 234 с. (王宏斌. 日本侵略中国的不平等条约和协定议定书 / 王宏斌. – 沈阳: 辽宁人民出版社, 2010. – 234頁).
14. Ван Силян. Химическая война и бактериальная война / Ван Силян, Гао Сяоян // Японское вторжение в Китай. – Цзилинь: Шаньдунское иллюстрированное издательство, 2015. – Т. 22. – 61 с. (王希亮. 细菌战与生化战 / 高晓燕, 王希亮 // 日军侵华图志22卷. – 吉林: 山东画报出版社, 2015. – 22卷. – 61頁).
15. Касахара, Сатоси. Храм за границей: образование и религия для живущих за границей / Касахара Сатоси. Синтоистский комментарий, 1933. – С. 255–256. (小笠原省三. 海外の神社: 並びに<ブラジル在住同胞の教育と宗教 / 小笠原省三. – 神道評論社, 1933. – 255–256頁).
16. Минору, Цудзико. Храмы оккупации / Минору Цудзико. – Токио: Синканша, 2003. – 109 с. (辻子実. 侵略神社 / 辻子実. – 东京: 新幹社, 2003. – 109頁).
17. Сионга, Кавабая. Изучение Хонган-дзи японской буддизма в Китае / Сионга Кавабая. – Токио: Издание исследование и культура, 2013. – С. 20–34 (川邊雄大. 東本願寺中国布教の研究 / 川邊雄大. – 東京: 研文出版, 2013. – 20–34頁).
18. Тао, Фейя. Исследование происхождения “культурной агрессии” / Тао Фейя // Культура, история и философия. – 2003. – № 5. – С. 31–39 (陶飞亚. “文化侵略”源流考 / 陶飞亚 // 文史哲. – 2003. – № 5. – 31–39頁).
19. Ху, Вэйцин. Проблема универсализма: исследование христианского образования в современном Китае (1877–1927) / Ху Вэйцин. – Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2000. – С. 75–93 (胡卫清. 普遍主义的挑战: 近代中国基督教教育研究(1877~1927) / 胡卫清. – 上海: 上海人民出版社, 2000. – 75–93頁).
20. Хэ, Цзиньсун. Роль японского буддизма в северо-восточном Китае во время маньчжурского периода / Хэ Цзиньсун // Исследования мировых религий. – 2001. – № 3. – С. 84–91 (何劲松. 伪满期间日本佛教在中国东北扮演的角色 / 何劲松 // 世界宗教研究. – 2001. – № 3. – 84–91頁).
21. Ци, Хуншен. Культурная агрессия и насаждение рабской идеологии через образование / Ци Хуншен // Японское вторжение в Китай. – Цзилинь: Шаньдунское иллюстрированное издательство, 2015. – Т. 15. – 103 с. (齐红深. 文化侵略与奴化教育 / 齐红深 // 日军侵华图志15卷. – 吉林: 山东画报出版社, 2015. – 15卷. – 103頁).
22. Цю, Гаосин. Распространение японского буддизма в северо-восточном Китае / Цю Гаосин // Академии общественных наук Китая. – 2018. – № 4. – С. 126–134 (邱高兴. 近代日本佛教在中国东北地区的传播及其战争责任 / 邱高兴 // 中国社会科学院研究生院学报. – 2018. – № 4. – 126–134頁).

23. Чен, Вейли: Христианство и культурный обмен между Китаем и Западом / Чен Вейли // Фудань. – 1987. – № 1. – С. 12 (程伟礼. 基督教与中西文化交流 / 程伟礼 // 复旦学报. – 1987. – № 1. – 12页).
24. Чжан, Цзянь. Недолговечные храмы синтоизма в Северо-Восточном Китае в 20-ом веке / Чжан Цзянь, Ли Цзинсян // Центральная китайская архитектура. – 2017. – № 35. – С. 61–65. (张健, 李竟翔. 昙花一现的近代中国东北神社园林 / 张健, 李竟翔 // 华中建筑. – 2017. – № 35. – 61–65页).
25. Ши, Ченси. Храм японского синтоизма в период Квантун / Ши Ченси, Чэнь Сюйву // Изучение иностранных проблем. – 2013. – № 2. – С. 10–16 (石晨曦, 陈秀武. 关东州时期的日本神社 / 石晨曦, 陈秀武 // 外国问题研究. – 2013. – № 2. – 10–16页).
26. Ши, Чэньси. Исследование святынь в Северо-Восточном Китае на фоне культурной колонизации / Ши Чэньси. – Цзилинь: Северо-Восточный педагогический университет, 2021. – С. 89–102 (石晨曦. 文化殖民背景下中国东北地区的神社研究 / 石晨曦. – 吉林: 东北师范大学, 2021. – 89–102页).
27. Ян, Чао. Исследование религии и образования в период Маньчжоу-Го / Ян Чао. – Цзилинь: Северо-Восточный педагогический университет, 2009. – С. 13–24 (闫超. 东北沦陷时期宗教状况与教化统治研究 / 闫超. – 吉林: 东北师范大学, 2009. – 13–24页).

Текст поступил в редакцию 30.05.2024.

Принят к печати 28.06.2024.

Опубликован 26.09.2024.

¹ В храме Куньнингун в Запретном городе Пекина маньчжурские императоры – предки Пу И совершали шаманские ритуалы, предписанные «Уставом шаманской службы».

² Фотографии № 12, 13, 14 из архива культурных реликвий Харбин-Ачэн Государственного управления культурного наследия. №: 230112-0173. Фотографии и архив предоставлены г-ном Цзюй Вэем.

³ Кими га ё (君が代 *Kimi ga yo*, часто переводится как «Правление императора») – японский государственный гимн, принятый после реставрации Мэйдзи (1868). До 1945 года «Кими га ё» был официальным гимном Японской империи, включавшей, помимо собственно Японии, захваченные ею земли в Китае и Корее. Сайкерэй – самый глубокий поклон в японском этикете.

⁴ Ред. Центральный архивный фонд. Избранные архивные материалы о вторжении японского империализма в Китай: марионеточный режим Маньчжоу-Го». 1995. С. 29.

References

1. Aishingyoro Puyi. *The First Half of My Life*. Beijing: Mass Publishing House, 1984, pp. 350–365 p. (In Chinese).
2. Chen Bing. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies]. 2017, vol. 9, no. 3, pp. 255–265 (in Russian).
3. Cheng Weili: Christianity and Cultural Exchange between China and the West. *Fudan*. 1987, no. 1, p. 12 (in Chinese).
4. He Jinsong. The Role of Japanese Buddhism in Northeastern China during the Manchu Period. *Studies of World Religions*. 2001, no. 3, pp. 84–91 (in Chinese).
5. Hu Weiqing. *The Problem of Universalism: A Study of Christian Education in Modern China (1877–1927)*. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2000, pp. 75–93 (in Chinese).
6. John K. Fairbank. *The Missionary Enterprise in China and America*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974, pp. 395–398.
7. Kasahara Satoshi. Temple Abroad: Education and Religion for Those Living Abroad. *Shinto Commentary*. 1933, pp. 255–256 (in Japanese).
8. Minoru Tsujiko. *Temples Used for Aggression*. Tokyo: Shinkansha, 2003, 109 p. (In Japanese).
9. Molodyakov V.E. *Sinto: pamyat' kul'tury i zhivaya vera* [Shinto: Cultural Memory and Living Faith]. 2012, pp. 187–201 (in Russian).
10. Molodyakova E.V. *Sinto: pamyat' kul'tury i zhivaya vera* [Shinto: Cultural Memory and Living Faith]. 2011, pp. 202–222 (in Russian).
11. Nakajima Michio. *Overseas Shinto Shrines*. Kanagawa: Kanagawa University Press, 2007, pp. 95–105 (in Japanese).
12. Qi Hongsheng. Cultural Invasion and Education in the Realm of Slavery. *The Japanese Invasion of China*. Jilin: Shandong Illustrated Publishing House, 2015, vol. 15, 103 p. (in Chinese).
13. Qiu Gaoxing. The Spread of Japanese Buddhism in Northeast China. *Chinese Academy of Social Sciences*. 2018, no. 4, pp. 126–134 (in Chinese).
14. Shi Chengxi, Chen Xuwu. Japanese Shinto Temple in the Kwantung Period. *Study of Foreign Issues*. 2013, no. 2, pp. 10–16 (in Chinese).
15. Shi Chenxi. *Study of Shrines in Northeast China against the Background of Cultural Colonization*. Jilin: Northeast Normal University, 2021, pp. 89–102 (in Chinese).

16. Sionga Kawabaya. *Hongan-ji Studies of Japanese Buddhism in China*. Tokyo: Research and Culture Edition, 2013, pp. 20–34. (in Japanese).
17. Spiridonov G.B. *Sinto: pamyat' kul'tury i zhivaya vera* [Shinto: Cultural Memory and Living Faith]. 2012, pp. 146–156 (in Russian).
18. Sumarokov E.N. Khleb nebesnyi [Heavenly Bread]. 1942, no. 2, pp. 13–15 (in Russian).
19. Tao Feiya. Research on the Origin of “Cultural Aggression”. *Culture, History and Philosophy*. 2003, no. 5, pp. 31–39 (in Chinese).
20. Troitskaya S.S. *Kharbinskaya eparkhiya i ee dulhovenstvo* [The Harbin Diocese. Its Temples and Clergy. Brisbane: Zhemchuzhina Publishing House, 2005, 5 p. (in Russian).
21. Wang Hongbin. *Protocol on Japan's Unequal Treaties and Agreements on the Invasion of China*. Shenyang: Liaoning People's Publishing House, 2010, 234 p. (in Chinese).
22. Wang Lixin. Cultural Aggression and Cultural Imperialism: Differentiation and Analysis of Two Paradigms for Assessing American Missionary Activity in China. *Historical Studies*. 2002, no. 3, pp. 98–109 (in Chinese).
23. Wang Xilian, Gao Xiaoyang. Chemical Warfare and Bacterial Warfare. *The Japanese Invasion of China*. Jilin: Shandong Illustrated Publishing House, 2015, vol. 22, 61 p. (in Chinese).
24. Yang Chao. *Study of the State of Religion and Their Education in the Manchukuo Period*. Jilin: Northeast Normal University, 2009, pp. 13–24 (in Chinese).
25. Zabyako A.A., Ju Kongyi. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2021, no. 4, pp. 78–94 (in Russian).
26. Zabyako A.P. *Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar* [Study of Religion. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006, pp. 248–249 (in Russian).
27. Zhang Jian, Li Jingxiang. Short-lived Shinto Temples in Northeast China in the 20th Century. *Central Chinese Architecture*. 2017, no. 35, pp. 61–65 (in Chinese).

Submitted for publication: May 30, 2024.

Accepted for publication: June 28, 2024.

Published: September 26, 2024.